

В тот момент Мужун Цзю был настолько уязвим, что цеплялся за Шао Циханя, как за спасательный круг.

И что больше всего удивляло Шао Циханя, так это то, что Мужун Цзю позволял себе полностью раскрыться только перед ним.

Лежа на мягкой кровати и глядя в тёмный потолок, Шао Цихань повернул голову, посмотрел на затылок Мужун Цзю и тихо улыбнулся.

Оказывается, их связь уже настолько глубока.

Шао Цихань протянул руку, обнял Мужун Цзю за грудь и талию и, слегка потянув, притянул его к себе.

Удовлетворённо закрыв глаза, он невольно подумал о фразе, которая была настолько поэтичной, что казалась претенциозной, но точно отражала его чувства.

Обнимая тебя, я чувствую, что у меня есть весь мир.

Сначала он удивился собственной сентиментальности, потом содрогнулся от мысли, насколько это было пафосно, и затем отпустил все мысли, оставив только ощущения.

Мир вокруг был тёмным, с лёгким приятным ароматом и совсем не холодным. Шао Цихань чувствовал, что его сердце было самым тёплым, но, посмотрев вниз, он понял, что самое тёплое — это Мужун Цзю, которого он держал в объятиях.

С улыбкой на губах он быстро уснул.

Когда солнечный свет стал настолько ярким, что даже плотные шторы не могли его скрыть, Мужун Цзю проснулся.

На самом деле он проснулся не от света, а от боли в затекшем теле.

Он хотел размять шею, которая почти онемела, как вдруг увидел перед собой огромный кусок телесного цвета. Мужун Цзю испугался и отодвинулся, только чтобы понять, что это лицо Шао Циханя.

— Почему я в кровати Ханя?

Вопрос возник в его голове, и в тот же момент он заметил, что не только лицо Шао Циханя было близко, но и его тело.

Мужун Цзю быстро отодвинулся, чтобы создать дистанцию.

Только тогда он осознал, что, вероятно, всю ночь спал в объятиях Шао Циханя, так как, отодвигая голову, он наткнулся на руку, лежавшую параллельно подушке.

— Неудивительно, что мне так неудобно, — понял Мужун Цзю.

Затем он заметил, что комната была обставлена так же, как его собственная, даже пиджак, брошенный на кресло у окна, был точной копией одного из его. Поэтому он отбросил первоначальный вопрос и задал новый.

— Почему Шао Цихань в моей кровати?

Размышляя над этим, он попытался встать, заметив, что его халат после ночи был измят до неузнаваемости. Рукава всё ещё облегали руки, но широкий воротник сполз набок, обнажив правое плечо.

Мужун Цзю привык просыпаться с неопрятным халатом, ведь для одинокого мужчины это не было проблемой. Но сейчас рядом лежал Шао Цихань, и почему-то он почувствовал странное чувство стыда.

Пытаясь понять, откуда оно взялось, он хотел поскорее уйти и привести себя в порядок — хотя бы одеться.

Но это желание не сбылось. Сильная рука протянулась из ниоткуда, и, прежде чем он успел понять, что происходит, она обхватила его талию и снова уложила на кровать.

— А-Цзю, ты разбудил меня, — лениво произнёс Шао Цихань, опираясь на локоть и глядя на него.

[Авторское примечание: Да, это та самая кровать из первой главы! Ранее некоторые читательницы жаловались, что главные герои спят на парных кроватях, и я, Ши Лю, с гордостью заявляю — да! Это парные кровати! И у них есть своя история! Не недооценивайте их! Потому что это... ложе для романтики! Ха-ха-ха-ха!]

Шао Цихань, опираясь на руку, полулёжал на кровати. Рука, которой он только что потянул Мужун Цзю, была убрана, и из-за резкого движения половина одеяла слетела, обнажив большую часть его тела, так как халат был в беспорядке.

Взгляд Мужун Цзю невольно скользнул по телу Шао Циханя.

Тот прищурился, словно наслаждаясь этим взглядом, и даже произнёс старую и

двусмысленную фразу:

— Ну что, А-Цзю, тебе нравится то, что ты видишь?

— Нет, — резко ответил Мужун Цзю, снова садясь на кровать.

Он повернулся спиной к Шао Циханю, поправляя воротник халата, и добавил:

— Мышцы, которые не на моём теле, меня не интересуют.

Шао Цихань рассмеялся, его низкий и бархатистый голос, словно хитрая змея, проник в уши Мужун Цзю, заставив его кровь прилить к лицу, а сердце забиться чаще.

Мужун Цзю глубоко вдохнул, спустил ногу с кровати и встал. Он повернулся, чтобы что-то сказать Шао Циханю, но в этот момент его зрение потемнело, и он, пошатнувшись, упал на колени у края кровати.

Шао Цихань, всё ещё лежавший на кровати, быстро перевернулся и, поглаживая позвоночник Мужун Цзю, спросил:

— Что случилось? Тебя тошнит?

Мужун Цзю, опершись на кровать, долго приходил в себя, прежде чем поднять лицо. Шао Цихань, увидев его бледные губы и расфокусированный взгляд, с упрёком сказал:

— У тебя слабый алкоголь, а ты напился. Теперь плохо?

Мужун Цзю, опершись на кровать, поднялся и снова сел, тяжело дыша.

— Я вчера много выпил?

Шао Цихань помолчал несколько секунд, а затем ответил:

— Ты был пьян.

Он поднял скомканное одеяло и, словно завернув конфету, укутал им сидящего на кровати Мужун Цзю.

Тот, укрывшись одеялом, посмотрел на Шао Циханя.

Тот, похоже, не выспался: его глаза были опухшими, а на подбородке появилась щетина.

— ... Я никогда раньше не был пьян, — неуверенно спросил Мужун Цзю.

Шао Цихань, сняв халат, сидел посреди кровати, надевая одежду, и, услышав вопрос,

усмехнулся:

— А-Цзю, вчера я многое увидел.

Мужун Цзю невольно укутался в одеяло, пряча шею. Он с ещё большей неуверенностью спросил:

— Я... ничего странного не говорил?

— Говорил, — Шао Цихань, с голыми ногами, спрыгнул с кровати и, наклонившись, поднял брюки с толстого ковра.

Одевая их, он с намёком сказал:

— Ты сказал, что хочешь выйти за меня замуж.

Услышав эту абсурдную фразу, Мужун Цзю вздохнул с облегчением и с лёгкой улыбкой ответил:

— Шао Цихань, не шути со мной. Вчера ты заботился обо мне, спасибо.

— Я не шучу, — серьёзно сказал Шао Цихань, подойдя к Мужун Цзю и глядя на него сверху вниз. — Ты сам это сказал.

Глядя на сосредоточенный взгляд и серьёзное выражение лица Шао Циханя, Мужун Цзю замер.

Даже если он действительно так сказал, это же была пьяная болтовня. Почему же Шао Цихань так серьёзно к этому относится?

Неужели он действительно хочет, чтобы я «вышел за него замуж»? «Вышел замуж»? Я же мужчина, что за «замуж»?

Мужун Цзю подумал об этом, и на его лице появилось странное выражение.

— Я сказал это в пьяном угаре? — прищурился он.

— А пьяные слова — это не слова? — вдруг Шао Цихань убрал серьёзность с лица и с лёгкой улыбкой сказал:

— О чём ты думаешь, А-Цзю?